

УДК 327 (340):94 (516)

**РЕЛИГИОЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКИ
В ТУРКЕСТАНЕ КОНЦА XIX ВЕКА**

А.А. Салиев

Описан религиозный фактор в германской геополитике в Центральной Азии. Отмечена высокая степень теологической составляющей в работе немецких агитаторов с местным мусульманским населением, а также рассмотрено участие местного протестантского немецкого духовенства в прогерманской политической и религиозной пропаганде.

Ключевые слова: геополитика; религия; мусульмане; Центральная Азия; Германия; пропаганда.

**RELIGIOUS COMPONENT OF THE GERMAN POLICY
IN TURKESTAN, END OF THE XIX CENTURY**

A.A. Saliev

The paper describes a religious factor in German geopolitics in the region of Central Asia. High degree of a theological component in work of the German propagandists with the local Muslim population is noted. Participation of local Protestant German clergy in pro-German political and religious propaganda is considered.

Keywords: geopolitics; religion; Muslims; the Central Asia; Germany; propaganda.

Исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант Ерофеев писал 6 сентября 1916 г. военному министру Д.С. Шуваеву: “Новотроицкое обложено большим скопищем киргиз, здесь киргизам оказывают содействие немецкие колонисты, доставляя провиант... На Сусамыре задержан немецкий шпион” [1, л. 8]. Мы считаем, что меннонитов могла вдохновлять соответствующая деятельность германских агентов среди них, использовавших религиозный фактор в своих интересах. Кстати, А.П. Савицкий считал, что восстание 1916 г. в Туркестане было инспирировано прогерманской группой при дворе Николая II, которая побудила его издать указ от 25 июня 1916 г. о привлечении мусульман Туркестана на тыловые работы. Царица и военный министр В.А. Сухомлинов, по его мнению, предполагали, что это приведет к восстанию в Средней Азии, это ослабит Россию и заставит царя пойти на сепаратный мир с Германией [1, л. 10]. На наш взгляд, такая любопытная версия тоже имеет право на существование.

Более сильные позиции разведка Германии имела среди меннонитов Хивинского ханства. Дело в том, что после “удара”, поразившего Ка-

уфмана, исполнявший должность туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковский, вопреки обещаниям правительства, издал 5 июня 1881 г. приказ о том, что меннониты будут исполнять воинскую повинность, против которой, как известно, выступало их фундаментальное вероучение. Часть меннонитов не согласилась с этим и направились в Бухарское ханство, однако, повинувшись указаниям Колпаковского, эмир Музаффар отказался принять их. В лагере меннонитов возник раскол – часть сектантов возвратилась в пределы Туркестанского края, а “другая – наиболее ортодоксально настроенная... направились к границам Хивинского ханства, где и провела зиму 1881–1882 гг.” [2, с. 80].

Позже немцы из туркестанской администрации помогли им устроиться в ханстве на постоянное жительство, и меннониты как рачительные хозяева неплохо устроились в ханстве. Здесь жить им было проще, так как не было постоянного надзора со стороны русских властей. Но эпизодический, разумеется, имел место. Так, хивинские меннониты организовали школу для своих детей в селе Ак-Мечеть, в которой в начале XX в. обучалось полтора десятка детей. Но у них была проблема

с учителем, которого они хотели выписать из Германии, но не получили разрешения русских властей [3, с. 152]. Тем не менее в ханстве им было проще принимать германских агентов, и вскоре они свили здесь “гнездо”. Поскольку хивинские меннониты, как и их таласские единоверцы, имели хорошие отношения с местными мусульманами, то германская агентура относительно спокойно нагнетала среди них антирусские настроения. Начальник Амударьинского отдела, Сырдарьинской области, полковник Колоссовский, отмечал, что есть основания считать, что “беспокойное настроение туркменских племен, населяющих Хивинское ханство, имеет отчасти какую-то связь в сношениях, исходящих из среды немецких колонистов в Хиве” [4, л. 3 об.].

Можно считать доказанным то обстоятельство, что восстание в 1915 г. в Хивинском ханстве под предводительством Джунаид-хана, проходившее, как обычно, под религиозными лозунгами “газавата” (борьбы с “неверными”) было в немалой мере подготовлено германской агентурой, стремившейся ослабить влияние России в Туркестане. Так, например, 18 апреля 1915 г. агент “Мусульманин” сообщал в розыскной пункт Департамента полиции МВД по г. Асхабаду и Закаспийской области о том, что “среди сарыков (туркменское племя. – А.С.) Иолотанского приставства появилось германское оружие, провезенное из Афганистана контрабандным путем” [4, л. 28]. Таким образом, “религиозная карта” в германской геополитике в Центральной Азии работала и в Хиве.

Безусловно, в этом отношении не осталось без внимания немецких агентов и Бухарское ханство. Известный французский туркестановед Х.К. д’Анкосс пишет о том, что “в Бухарском эмирате укоренилась интенсивная германская пропаганда, Германия помогала бухарским реформистам против России и вассального ей режима в ханстве” [5, р. 119]. Российский исследователь П.П. Литвинов пишет о том, что “в Бухаре “окопались” резиденты турецкой, афганской, персидской и прочих (английской, германской и др.) разведок, о деятельности которых вполне можно написать отдельное, специальное научное произведение” [6, с. 290]. И он рассказывает о визите русской контрразведки в Бухару осенью 1910 г., в ходе которого были выявлены центры враждебной панисламистской турецкой и германской пропаганды, склады оружия, антирусской литературы и листовок, арестованы некоторые одиозные лица из числа панисламистов, фанатиков, связанные с зарубежной агентурой. Но для всех было очевидно, что “корень зла” до конца ликвидирован не был.

Перед Первой мировой войной агенты Германии сумели закрепиться в регионе Центральной Азии, где они активно работали среди мусульманского населения, в том числе используя завербованных ими “сотрудников”. Так, например, “управляющий восковыми промыслами близ станции Мельниково, немец Карл Иванович Хаушер выражал на словах глубокое порицание русскому правительству” [7]. Он говорил, что если Россия и победит Германию, то она доведет свой народ до гибели, “выжав из него все соки” [7]. В центре Семиреченской области – городе Верном жил отставной надворный советник Николай Александрович Куватов. В донесении Туркестанского районного охранного отделения о нем говорилось: “Пользуется большой популярностью среди туземцев, в особенности киргиз, восстанавливает их против русских, говоря, что русское правительство забрало все земли, рассаживает везде переселенцев, повесило в мечетях портрет Государя, а в скором времени поставит там иконы, и тогда все мусульманство пропадет” [8].

Особенно возросла активность подрывной антирусской деятельности после заключения в 1907 г. англо-русской Конвенции по Афганистану, Персии и Тибету, фактически пристегнувшей Россию к блоку Антанты. Зарубежный исследователь К. Фрэйзер-Тайтлер писал о том, что англо-русское соглашение 1907 г. было достигнуто благодаря англо-русскому сближению в Европе. Он отмечал, что “прочитав это соглашение, германский кайзер Вильгельм II надписал на нем: «Да, взятое целиком оно нацелено против нас»” [9, р. 177].

Так, в рассматриваемый период в поле зрения контрразведки Туркестанского военного округа оказалась религиозная проповедница адвентистка Евгения Майер, которая специально училась на курсах узбекского языка, после чего принялась проповедовать христианские идеи и распространять в Самаркандской области литературу о Христе на “туземных” наречиях. Выяснилось, что она заказала одной только брошюры “Хазрат Иса Камдур” 1 000 экземпляров, отпечатанных в местной типографии Гуззарова. Российские власти не препятствовали ей в этом, расценивая ее деятельность как миссионерскую. Однако туркестанский генерал-губернатор отнесся к действиям Е. Майер иначе – он порекомендовал самаркандскому губернатору “осторожно собрать о ней сведения, не скрывается ли за пропагандой христианских идей распространение среди местных мусульман идей пангерманизма” [10, л. 1 об.]. Сведения такие были собраны, и они подтвердили опасения “главного начальника” Туркестанского края. Полиция

подвергла немку – религиозную пропагандистку – аресту и обыску, но вскоре ее освободили, порекомендовав воздержаться “от всякой миссионерской проповеди в крае и от пространных разговоров с туземцами на религиозные и иные отвлеченные и злободневные темы” [10, л. 26 об.]. Е. Майер подала жалобы в разные инстанции, но не имела успеха. Любопытно, что с началом Первой мировой войны она принялась исподволь вновь заниматься проповедями и продажей христианской литературы среди мусульман, однако такая ее деятельность была быстро пресечена туркестанской “охранкой”.

Немало агентов было завербовано немцами среди духовенства. В начале Первой мировой войны военный губернатор Ферганской области А.И. Гиппиус писал в рапорте туркестанскому генерал-губернатору о том, что среди мусульман “развернулась во всю деятельность мулл... Они расхваливают немцев как защитников всех мусульман, утверждая, что Россия проиграет войну. При этом они утверждают, что слово “Германия” на таджикском языке означает “бери больше”, что поэтому Германия обязательно победит и освободит мусульман от гнета неверных” [цит. по: 11, с. 79].

Примеров такого рода прогерманской пропаганды исламского “клира” в Центральной Азии можно было бы привести и больше. Во время Первой мировой войны в Туркестанском крае распространялись листовки, в которых говорилось о слабости России и непобедимости Германии и ее союзников. Но главное в данном случае мы усматриваем в другом: из приведенного следует, что Германия в Центральной Азии вела сложную геополитическую игру с глубоким вовлечением в эти процессы исламского религиозного ресурса.

Исполняющий должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенант Флуг направил военным губернаторам и начальнику Закаспийской области осенью 1914 г. циркуляр, в котором указывал, что с началом войны мусульманский мир пришел в движение, в связи с чем “не исключается возможность воздействия извне на местный мусульманский мир в том смысле, что с исконным врагом Полумесяца христианским миром, находится в войне покровитель и защитник мусульманства и его халифа (турецкого султана. – А.С.) германский император Вильгельм” [12, л. 69]. Флуг писал о том, что надо всячески поощрять патриотические движения среди “туземцев”, так как их может возбуждать пример мусульманской Турции [12, л. 69 об.].

Нельзя сказать, что такие заявления носили голословный характер. Среди мусульманского населения Туркестана было немало и тех, кто под-

держивал Россию в годы Первой мировой войны. Так, например, уже к августу 1914 г. мусульмане Туркестанского края собрали в фонд победы русского оружия в войне 43 155 рублей [см.: 11, с. 78]. В 1914 г. был образован “Мусульманский дамский комитет” для сбора денег, одежды и белья для раненых. Однако результативность его работы оказалась невысокой; «6 октября 1915 г. во время торжественного богослужения по случаю “курбан-байрама” имам Шейхантаурской мечети г. Ташкента Сейид-Али-ходжа Ишанходжаев не преминул произнести пространную здравицу во славу “Государя Императора с фамилией и победу русского оружия”» [11, с. 78]. Во время празднования 50-летия взятия Ташкента летом 1915 г. мусульмане города в “адресе”, преподнесенном русским властям, желали успехов России в войне. Конечно, можно подумывать, что все это было инспирировано самой туркестанской администрацией. Однако мусульмане Центральной Азии реально помогали России в войне. Большие пожертвования в фонд войны были сделаны бухарским эмиром и хивинским ханом. На фронтах Первой мировой войны воевал Туркменский полк, некоторые конники которого получили Георгиевские кресты разных степеней. И не по одному. Отличились и другие мусульмане – выходцы из Туркестана, преимущественно, офицеры [13, с. 436–445].

Вместе с тем объективное ухудшение положения простого народа в Туркестанском крае и среднеазиатских ханствах в годы Первой мировой войны не могли не иметь соответствующих субъективных последствий в среде мусульманского населения. Как известно, его справедливое недовольство вылилось в 1916 г. в мощное региональное восстание против царского режима. Мы считаем, что его причины носили эндогенный характер и не зависели напрямую от каких-либо внешних сил. Однако было бы ошибочным отрицать и их известное воздействие на подготовку и ход восстания. Так, в январе 1916 г. немцы созвали в Вене международный панисламистский съезд, на котором обсуждался вопрос о засылке в Туркестанский край германо-турецких эмиссаров для подготовки восстания мусульман региона против России [14, л. 3]. И они реально прибывали в Центральную Азию. Так, 7 мая 1916 г. начальник Туркестанского районного охранного отделения направил всем начальникам уездных полицейских управлений Туркестанского края предписание повсеместно искать “направленных в Туркестанский край германских шпионов Серенфуса и Гапсеналея, которые при посредстве некоего Шамси-Хаби занимаются ведением широкой пропаганды против русских властей” [15, л.9].

Известный российский мусульманский деятель Магометбек Хаджетлаше 12 марта 1916 г. направил в ДДД МВД “докладную записку”, в которой указывал, что Германия сильно активизировала свою деятельность в Средней Азии. Он отмечал, что “повсюду, в особенности в Бухаре и Хиве и на афганской границе немецкие агенты свили себе прочное гнездо и умело руководят пропагандой” [16, л. 238]. Он писал о том, что сотни энергичных, смелых и опытных германских агентов, “обильно” снабженные золотом, под видом дервишей и бродяг “снуют по Востоку, пропагандируя величие и могущество Германии” [16, л. 238]. Хаджетлаше указывал: “Особенно серьезное внимание русское правительство должно обратить на народы Средней Азии, Туркестана, Ферганы, откуда и нужно ожидать начала грандиозных событий” [16, л. 239]. Его слова можно считать пророческими, так как именно здесь в 1916 г. вспыхнуло восстание мусульман. Безусловно, оно повлияло на ход Первой мировой войны и, осложнив положение России, объективно сыграло в пользу Германии, хотя мы не склонны преувеличивать ее роль в указанном событии. На наш взгляд, восстание 1916 г., по сути, похоронило русский царизм и стало последним “гвоздем”, вбитым в гроб прогнившей насквозь антинародной системы.

На основании изложенного выше можно прийти к выводу о том, что среди участников “Большой игры” за преобладание в Центральной Азии Германия появилась позже других европейских держав, однако она сумела быстро нарастить свое влияние в регионе, прежде всего благодаря своим экономическим успехам, позволившим ей стать одним из важнейших субъектов мировой геополитики. Совершенно очевидно, что Германия не хуже других “игроков” смогла использовать религию в качестве катализатора своих геополитических устремлений в указанном регионе. Вместе с тем, признавая их значительное влияние на ситуацию в Центральной Азии, мы полагаем, тем не менее, что они вряд ли носили решающий и определяющий характер в этой части азиатского континента.

Литература

1. ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 15 – К вопросу о подрывной деятельности немцев в Синьцзяне и Средней Азии.
2. Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). / П.П. Литвинов. Елец: ЕГПИ, 1996.
3. Иноятова Д.М. Школьное образование немцев Узбекистана (конец XIX – 20-е гг. XX века) / Д.М. Иноятова // Востокведческие чтения памяти Н.П. Остроумова: сб. материалов. Ташкент, 2008.
4. ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. 1915. Д. 365.
5. D’Encausse H.K. Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia / H.K. D’Encausse. L., 1988.
6. Литвинов П.П. Органы Департамента полиции МВД в системе “военно-административного” управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам) / П.П. Литвинов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007.
7. ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. 1914. Д. 32. Ч. 115. Литера Б. Л. 13 об
8. ЦГА Узб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1487 – Дело о взаимоотношениях местного населения с немцами и китайцами, проживающими в Туркестанском крае и военном шпионаже. (1914 г.). Л. 24–24 об.
9. Fraser-Tytler Kerr. Afghanistan. A study of political development in Central Asia. L.; N. Y.; Toronto, 1953.
10. ЦГА Узб. Ф. 18. Оп. 1. Д. 3865 – С перепиской о Евгении Майер, распространяющей христианскую веру среди мусульман.
11. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917. (по архивным материалам) / П.П. Литвинов. Елец: ЕГПИ, 1998.
12. ЦГА Каз. Ф. 73. Оп. 1. Д. 13 “б” – Список бухарскоподданных евреев, незаконно пробравшихся в г. Туркестан.
13. См. об этом: “Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами”. Российские мусульмане и Первая мировая война, 1915 г. // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): сб. материалов / сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006.
14. ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 89 – Панисламистское движение в Средней Азии.
15. ЦГА Кырг. Ф. 2. Оп. 2. Д. 15 – Переписка по розыску разных лиц.
16. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 471 – Пропаганда панисламизма и пантюркизма в России (1913–1917).